

Теперь картина была перед Чжоу У во весь рост — и глаза человека на портрете смотрели на него в упор.

Чжоу У не мог сдержать дрожи в голосе, но горло пересохло, и крик о помощи застрял где-то внутри.

— Чжоу У, ты чего в дверях застрял?

В тот самый миг, когда он был готов рухнуть, его окликнули.

Он повернул голову: из-за поворота галереи выходил У Яо.

— Ты меня звал, что ли?

Чжоу У открыл рот, закрыл, посмотрел на У Яо и не решился издать ни звука. Это правда У Яо?

— Вы... вы все только что не были в комнатах? — хрипло выдавил он.

У Яо не понял:

— А, ну я думал, ты уже спишь. Хотел позвать, но у тебя темно было — не стал. Мы тут перекусили на ночь.

— У меня... темно? — голос Чжоу У тянулся медленно, словно он сдерживал что-то внутри.

У Яо зашагал к нему, и Чжоу У вдруг крикнул:

— Стой! Не подходи!

У Яо замер на месте, ошарашенный:

— Ты чего?

— Там... там внутри... — Чжоу У стиснул зубы, слова застревали.

Даже до такого тугодума, как У Яо, начало что-то доходить: с тех пор как они приехали в эту деревню, атмосфера и впрямь была жутковатая. Он нетерпеливо бросил:

— Да говори уже!

Чжоу У дрожащим пальцем указал внутрь комнаты:

— Там... там картина.

У Яо подошёл, проследил за его пальцем и увидел портрет на стене.

И нисколько не испугался:

— Ну и что? Картина как картина. У нас у всех такие.

Слёзы, готовые хлынуть из глаз Чжоу У, застыли от этого будничного тона.

У Яо распахнул дверь настежь и вошёл внутрь. Чжоу У стоял снаружи, в ужасе вытаращив глаза.

Это правда тот самый трусливый У Яо?

Чжоу У не решился переступить порог. Прижавшись к косяку, он прошептал, словно переживший кораблекрушение:

— Эта картина... у вас у всех есть?

У Яо стоял перед портретом, потирая подбородок:

— У меня — красotka. М-м, когда я марлю сдёрнул — аж глаза на лоб полезли. Хотя, если честно, твой тоже не хуже.

История с движущимися зрачками вдруг показалась плодом воображения самого Чжоу У. Картина висела на стене — самая обычная, ну разве что старая. Ничего сверхъестественного.

Смертельно бледный, Чжоу У осторожно вошёл в комнату и остановился перед портретом.

Мысленно подбодрил себя. Поднял голову.

Впервые он разглядывал эту картину так отчётливо.

Чёрные пряди спадали на вздёрнутые, острые, как мечи, брови. Взгляд — будто закалённый на морозе, резал, как лезвие. Холодные, безразличные глаза, лишённые каких-либо чувств, — взгляд того, для кого человеческая жизнь не стоит и травинки, кто смотрит на мир свысока.

А его одеяние делало этот взгляд совершенно естественным.

Верхняя часть тела была закована в серебряные доспехи. Фигура — прямая, словно пронзённая мечом, неудержимая, несокрушимая.

Ощущение такое, будто в следующее мгновение этот меч пронзит тебе сердце.

Чжоу У, вечно склонный к чрезмерному сопереживанию, застыл. Не мог отвести глаз. Что-то странное шевельнулось в груди — внезапное, беспричинное, словно зерно, которое давно лежало в земле и вдруг, политое водой, пустило росток.

Он не мог определить, что это за чувство. Хорошее или плохое.

Только невыносимую, ни с чем не сравнимую печаль.

В глазах у Чжоу У замутилось. Когда он пришёл в себя, ресницы были мокрыми.

К счастью, это странное наваждение длилось лишь мгновение и рассеялось, стоило У Яо заговорить.

У Яо помахал рукой у него перед лицом:

— Замер? Да ладно, товарищ Умчик, ты только что тряся от страха, а теперь уже на красоту запал?

Чжоу У моргнул и торопливо замотал головой:

— Нет.

У Яо фыркнул:

— Ещё как «да». Глаза-то блестят.

Влажные глаза в свете лампы и впрямь сияли, как стёклышки. Чжоу У неловко вытер уголки.

У Яо вдруг понизил голос и выдохнул:

— Бля... Ты что, реально...

— Что? — не понял Чжоу У.

У Яо задумался:

— Тьфу, да ничего. Просто подумал, что ты уже не совсем натурал.

Хотя Чжоу У и рассердился на эту шутку, напряжение спало.

Он спросил:

— Ты говорил, у тебя в комнате тоже портрет. У режиссёра тоже?

— Ага. У босса — лошадь. У четырёхглазого — пейзаж. А у Лысого, как думаешь, что? — У Яо расплылся в ухмылке.

Чжоу У покачал головой:

— Что?

«Лысый» — очередное прозвище для Ху Юя.

— «Монахи носят воду»! А-ха-ха-ха!

Чжоу У не удержался и улыбнулся.

Увидев его улыбку, У Яо понял, что друг пришёл в норму, и хлопнул его по плечу:

— Давай сегодня вместе переночуем? Тебя просто эта деревенская атмосфера доконала, вот и мерещится всякое. Может, тут какое-то магнитное поле шалит — и у тебя галлюцинации.

Объяснение отдавало материализмом, и Чжоу У очень хотел в него поверить. Но он вспомнил про свои ноги.

— Тогда я к тебе? — спросил он.

Чжоу У схватил одеяло и подушку и вприпрыжку помчался в комнату У Яо. Интерьер у того был совершенно другой: если у Чжоу У — сплошной красный, то здесь преобладали дерево, белый и бирюзовый.

— Теперь понял, почему я говорил, что твоя комната — вылитая брачная? — У Яо стянул одежду и нырнул под одеяло.

Чжоу У уже забился к стене, замотался в одеяло, как кокон, — наружу торчала одна макушка. Гусеница.

Ему всё ещё было страшно.

Он то и дело косился на стену — на портрет красавицы.

— Хватит пялиться. Из картины она не выйдет. Я уже несколько ночей смотрю — ни разу не поздоровалась, — заметил У Яо.

Чжоу У плотнее закутался в одеялко и не хотел разговаривать.

Но У Яо как раз был бодр и тянул его в бесконечные разговоры — расспрашивал о планах на будущее.

У Яо был на год старше, недавно перешёл с другого места. Специальность не по профилю, но диплом нормального вуза из списка «211».

Тут Чжоу У кое-что вспомнил и спросил:

— А ты сейчас где живёшь?

Он подумал, что по возвращении в город пора искать квартиру. Общежитие больше не вариант, а денег хватит только на что-то скромное.

Перед командировкой начальник обещал надбавку — если всё сложится, выйдет на несколько сотен больше. Мелочь, а приятно.

Его сразу после выпуска взяли на должность штатного ведущего — редкая удача для их потока. Большинству приходилось начинать с низов, и уж точно никто не получал собственную рубрику так быстро.

Так что до того, как он открыл приложение для поиска жилья, мир казался прекрасным.

А после... QAQ. Мир ужасен. Хочу домой, сажать рис.

У Яо сказал, что живёт на первой линии метро. Чжоу У удивился:

— Первая линия же прямая?

У Яо с каменным лицом:

— Да. Прямая — через восемнадцать станций.

Чжоу У: «...»

Он осторожно спросил про цены. Отдельная комната, одна голова, двузначная сумма с двойкой впереди.

У Яо отдавал за съём как минимум половину зарплаты, а Чжоу У получал всего на тысячу триста больше. Льготы на телевидении неплохие, но зарплатная иерархия — железная.

— Ты сможешь себе позволить разве что на пять станций ближе, — подытожил У Яо.

Чжоу У вздохнул:

— Жизнь и так тяжела, не добивай.

У Яо жил не в перегородженной комнате. Хозяин при подписании договора чётко оговорил: никаких субарендаторов. Видимо, человек дорожил квартирой.

А контракт — ещё на полтора года.

Чжоу У думал, что, попав на нормальное телевидение и став ведущим рубрики, он уже на пути к вершине. Оказалось — он всего лишь поднялся на одну ступеньку от подножия горы.

— Поработай пару лет — и всё будет. В нашем деле главное — стаж. Станешь большим боссом — всё у тебя будет, — философски заметил У Яо.

Они болтали, болтали — и незаметно начали засыпать.

Проспали до рассвета. Впервые за все эти дни Чжоу У спал спокойно.

Утром быстро вскочили, собрались, оделись. Чжоу У сбегал к себе в комнату за курткой.

На улице снова похолодало. Он подышал в ладони, потёр руки и только потом сунул их в ещё не прогретые карманы куртки.

Подушечки пальцев наткнулись на что-то круглое и твёрдое. Чжоу У поскрёб внутри кармана и вытащил маленький шарик.

Это был красный боб — необычайно круглый и крупный.

Увидев его, Чжоу У тут же вспомнил строчку из стихотворения: «Этот предмет — сама тоска по любимому».

Крохотный красный боб лежал на раскрытой ладони. Чжоу У не помнил, когда прикасался к красным бобам — может, на кухне?

Хотел выбросить — и вдруг не смог. Не поднялась рука.

Этот боб, невесть как попавший в карман, может, случайно забрался туда и теперь одиноко лежал в темноте.

Наверное, благодаря хорошему сну Чжоу У чувствовал себя бодрее. Ожидая начала съёмки, он задумчиво вертел боб в пальцах.

И вдруг — неведомо откуда — в памяти вспыхнул тот самый мимолётный взгляд. Одержимый. Безумный.

Красный боб в руке мгновенно стал обжигающе горячим.

В глубине души, хоть и неохотно, он начинал верить в существование чего-то ненаучного.

— Умчик, пошли, работаем! — крикнул У Яо.

Чжоу У встрепенулся. На мгновение задумался — и дрожащими пальцами швырнул красный боб в грязь у обочины. Не оглядываясь, побежал к группе.

Подготовительные работы были однообразны до тошноты. В этот день съёмочная группа, пресытившись рутинной, решила разойтись по улицам и дворам, поискать свежие кадры в домах местных жителей.

Когда Чжоу У и остальные вышли из усадьбы, они столкнулись с Дин Чэном и Ху Юем, которые только что вернулись. Оказалось, они с утра пораньше, пока невесты репетировали, тайком опросили двоих из них.

Обе невесты были не из этой деревни. Сначала они охотно отвечали на простые вопросы, но

стоило спросить, почему на свадьбе нет их родителей, — в глазах мелькнул страх, и обе замолчали.

Когда же их спросили, откуда они родом, разговор грубо оборвали.

Двое здоровенных мужиков — габаритами не уступающих Ху Юю — прогнали съёмочную группу. Невесты, похоже, тоже их боялись.

Дойдя до такого, журналистское любопытство было уже не остановить.

Дин Чэн тайком засел в засаду неподалёку и просидел два часа. Выяснилось, что поведение здоровяков больше всего напоминало... охрану.

В деревне обозначилась новая загадка.

У Яо почесал затылок:

— Зачем охранять невест?

Чжоу У подумал и бросил наугад:

— Ну... наверное, чтобы не сбежали?

Стоило ему это произнести, все уставились на него. И сам Чжоу У понял, что сказал нечто очень тревожное.

На самом деле с самого начала в деревне было полно странностей — просто группа принимала их за местные обычаи и не копала глубже.

Обсуждение ни к чему не привело, и они продолжили послеобеденную съёмку.

У Яо и Чжоу У разделились: один брал интервью и писал текст, другой ловил зазевавшихся деревенских для видеосюжетов.

Встретились они только к вечеру — У Яо на одном конце дамбы, Чжоу У на другом.

Дамба давно не ремонтировалась; часть её размыло, мокрые каменные плиты выглядели пугающе скользкими. С неба моросил мелкий дождь, и капли, попадая на лицо, холодили до костей.

Поднялся ветер, дождь заметался во все стороны.

Стемнело. Чжоу У увидел, как навстречу бежит У Яо, размахивая фонариком.

— Тут пройти можно, только в обход, — сказал У Яо. — Но пролом неширокий, я перепрыгну.

— Скользко, — возразил Чжоу У. — Лучше обойти.

У Яо фыркнул:

— В детском саду я был чемпионом группы по прыжкам в длину. Не недооценивай.

Чжоу У: «...» Этот человек, похоже, только что окончил начальную школу.

У Яо отступил на несколько шагов, считая вслух: три, два, один...!

Разбег — прыжок — он взмыл в воздух, но траектория вдруг пошла странно: вместо того чтобы лететь вперёд, он на середине дуги резко провалился вниз.

Было ясно, что не долетит. Чжоу У молниеносно схватил его за ворот. Одна нога У Яо уже ушла в воду; в панике он рухнул на второе колено и, оттолкнувшись, кое-как перевалился через край.

— Бля, не рассчитал! — выругался У Яо и присел стягивать промокший ботинок.

Чжоу У стоял рядом, белый как мел. Он видел. У Яо мог перепрыгнуть без труда — но на середине прыжка два бледных пальца дёрнули его за штанину...

Пальцы — белые, длинные.

В голове мгновенно всплыла картина первого дня в горах: в машине ему протянули воду — те же бледные руки.

Он. Это точно он.

Но почему? Зачем ему У Яо?

Чжоу У замёрз до нутра. Большой палец, цеплявшийся за край кармана, затрясся. Следующим движением он сунул руку в карман.

Пальцы нащупали красный боб.

И снова перед глазами — тот мимолётный, безумный взгляд.

Этот предмет — сама тоска по любимому.

У Яо хлопнул Чжоу У по плечу и, видя его испуганное лицо, сам начал утешать:

— Да ладно, жив-здоров, перепрыгнул же. Хотя день и впрямь хреновый: в обед присел поесть — чуть дверью не прибило, она сама отвалилась. После обеда по улицам ходил — чуть в яму не угодил.

Чжоу У смутно начал понимать: «он» пытается таким образом что-то ему сказать.

<http://bllate.org/book/22494/2373586>